

О. Ф. Жолобов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

(Казань, Россия)

ozolobov@mail.ru

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАРИМЕЙНИКАХ И ТОЛСТОВСКОМ СБОРНИКЕ XIII В.*

В статье рассматриваются вариативные глагольные формы, распределение которых формирует грамматические subsystemы и определяет типологию текстов. Такие формы имеют диагностический характер. В статье приводится полный перечень диагностических параметров на основе морфосинтаксиса глагола. Описывается употребление таких диагностических форм, как простой аорист, аорист с добавочным окончанием, имперфект с добавочным окончанием, перфективный имперфект, перфект 3 л. и некоторые другие. В статье анализируется рукописный материал паримейников разного происхождения, связанных с кирилло-мефодиевской традицией. Выясняется статус простого аориста в древнерусском книжном языке. Центральное место занимает анализ вариативных форм глагола в мегатексте — Толстовском сборнике XIII в., включающем как древнерусские оригинальные и переводные тексты, так и ранние списки болгарских переводных текстов.

Ключевые слова: древнерусские рукописи, грамматическая вариативность, диагностические формы глагола.

Недавний опыт исследования переводческой деятельности в домонгольской Руси показал, что она опирается на некую транскультурную мегаграмматику, единицы которой по-разному реализуются и распределяются в конкретных текстах, при том что те или иные граммы генетически соотносятся с несколькими центрами книжности и, по существу, воспроизводят диалектные различия в праславянском, а кроме того, в ряде случаев зависят от греческих источников. А. А. Пичхадзе выделяет в этом своем исследовании раннедревнерусских переводов следующие типы глагольных форм, которые определяют классификацию группировок текстов, так что данные типы форм следует считать диагностирующими: (1) аорист с приращением -гъ, -сть, (2) аорист рѣхъ, рѣша, (3) имперфект на -шета, -шетѣ,

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 18–012–00428).

(4) формы дв. числа на -тє, (5) формы вѣтъь и вѣдѣ, (6) перфект, (7) перифрастический прохитив, (8) сослагательное наклонение в целевых и косвенно-побудительных предложениях (см. [Пичхадзе 2011а: 347–349 и др.]). Данные типы форм вместе с тем характеризуют и оригинальные древнерусские тексты, к показаниям которых А. А. Пичхадзе в своем исследовании также эпизодически обращается. Это лишний раз подтверждает транскультурный характер средневековой книжной грамматики в целом. Приведенный перечень диагностических глагольных форм, несомненно, должен быть расширен. В него должны быть включены (9) формы перфективного имперфекта и (10) формы 2 л. ед. числа простых претеритов, как это сделано А. А. Зализняком в исследовании «Слова о полку Игореве» (см. [Зализняк 2008б: 94–114]). Диагностической значимостью при классификации текстов обладают (11) формы простого и (12) сигматического аориста от основ на согласный, (13) имперфекты 3 л. с добавочным окончанием -тъ, (14) имперфекты с отменой чередования в основе, а также (15) формы нулевого презенса, (16) *praesens historicum* и (17) супин (см. [Жолобов 2016а; 2016б; 2016в; 2016г; 2017: 122–126, 146–155; Крысько 2014; Крысько, Мольков 2017; Мольков 2017а; 2018б; Страхова 2011; Žolobov 2016]). Малоизученным остается диагностический статус (18) причастных форм (см., в частности, новые данные в работах [Мольков 2017б; Пичхадзе 2011б; Пичхадзе 2016]). Как показывают последние исследования, важное значение при классификации текстовых типов имеют (19) статистические параметры языковых единиц (см. [Баранов, Жолобов 2020]).

Общая мегаграмматика XIII в. охватывает все наличные формы, встречающиеся в рукописных источниках этого времени. Наряду с нейтральными формами, она включает целый ряд диагностических единиц, которые содержат дополнительную лингвистическую, лингвотекстологическую или культурную информацию, помимо собственно грамматической.

Ярким примером таких единиц являются формы простого аориста. Простой аорист, как известно, восходит к формам индоевропейского безаугментного имперфекта, т. е. инъюнктива (см. [Елизаренкова 1982: 281–283; Мейе 1951: 199, 203; Семереньи 1980: 317]). По-видимому, его морфонологическая невыразительность — отсутствие аффиксальных показателей — и послужила толчком для нового претеритально-го удвоения в праславянском и восстановления индоевропейской тернарной оппозиции — образования суффиксального имперфекта (см. [Жолобов 2017: 26–33]). Зоны консервации простого аориста связывают с западными южнославянскими диалектами, носителями которых были Кирилл и Мефодий, а также их ученики. В восточных южнославянских диалектах, как и в восточнославянских, простой аорист замещался сигматическим тематическим аористом. Таким образом, формы простого аориста диагностируют моравское или македонское происхождение текстов. Мы обнаружили позднерусскую рукопись, в которой простой аорист оказался довольно частотным. В Захаринском паримейнике 1271 г. представлено 16 простых аористов. Это больше, чем в каком-либо другом позднерусском источнике.

Сохранность простых аористов в Захаринском паримейнике свидетельствует о том, что антиграфом рукописи был довольно архаичный источник, поскольку даже

в наиболее ранних и считающихся самыми близкими к протографу древнерусском Лазаревском паримейнике XII в. и болгарском Григоровичевом паримейнике XII–XIII вв. простые аористы в ряде случаев заменяются сигматическими тематическими¹. См. некоторые такие замены, наряду с сохранением форм в Захариинском паримейнике:

н погнаша же негуптане · н възндоу въз слѣдъ нхъ Зах 9г18–10а2	внндѣ Григ 6 об., 4
н не шбрѣтоу воды да бѣша пнан Зах 10г3–5	не шбрѣтошъ Григ 7, 5

Простой аорист замещен сигматическим тематическим уже в самом раннем Лазаревском паримейнике². Показательна среднеболгарская инновация — аорист с окончанием имперфекта и перемещение в постпозицию возвратного местоимения в Григоровичевом паримейнике:

сзны роднхъ н възнесохъ · ти же са шьбръгоу мене Зах 27г9–13	сзны роднхъ н възвзиснхъ · ти же са шьбръгоша мне Лаз 10а4–6 ³ ; ти же шьбръгошъ са мене Григ 14, 3–4
--	--

Еще более выразителен пример простого аориста в 3 л. дв. числа, где представлен, кроме того, диагностический тип форм с генетически первичным окончанием -тѣ, в то время как в восточноболгарском и восточнославянском ареалах здесь рано было обобщено вторичное окончание -та, ввиду омонимии дуальных форм на -тѣ и форм 2 л. мн. ч. В других паримейниках здесь уже представлена замена простого аориста на сигматический тематический:

н ндѣте оба възкоупъ Зах 134б6–7	н ндѣста оба възѣпъ Лаз 59б3–4	н ѣдѣста оба възѣпа Григ 53, 20–21
----------------------------------	--------------------------------	------------------------------------

Ср. также ошибки в передаче первой формы простого аориста в Григоровичевом паримейнике при сохранении правильной формы в Захарьинском:

¹ В Захариинском паримейнике мы нашли следы глаголического протографа в использовании буквенной цифири, что свидетельствует об архаичности его антиграфа [Жолобов 2016: 155].

Лазаревский (Сковородский) паримейник (РГАДА, Тип. 50) является самым ранним из сохранившихся списков древнеславянского паримейника. В записи XVII в. указана его принадлежность Лазареву монастырю и эпизодическая — Сковородскому. Первоначальная его датировка XIV в. в последнее время существенно удревнена. С некоторым колебанием рукопись отнесена ко второй половине XII в. или рубежу XII–XIII в. в [СК 2002: 641]. С. М. Михеев обнаружил в рукописи почерк писца Милятина евангелия Домки, которое недавно было издано и исследовано Г. А. Мольковым, доказательно датировавшим рукопись первой половиной XII в. [Михеев 2019; Мольков 2018а: 47]. Начало и конец рукописи утрачены.

² Сходная картина наблюдается с древнерусскими списками Паренесиса Ефрема Сирина. В новгородском Типографском списке 70–80-х гг. XIII в. в отдельных случаях сохраняется простой аорист нздѣу, прѣндѣу, тогда как в галицко-волинском Погодинском списке этого же времени простой аорист заменен на сигматический тематический нздѣша, прѣндѣша, а в восточно-русских Академическом и Троицком списках XIV в. простой аорист был воспринят как нулевой презенс и исправлен на стандартный презенс нздѣуть, прѣндѣуть [Жолобов 2014: 132–133].

³ В Лаз несколько раз встречается окказиональная форма личного местоимения род. п. ед. ч. **мне** вместо **мене**.

<u>взъдвнгову</u> же сѧ ѿ еанма • н <u>прндову</u> взъ вьсь сзньмъ   <u>взъдвнгна</u> же сѧ ѿ еанма •: н <u>прнда</u> взъ снемъ снѡвъ   <u>зъдвзъ</u> Григ 7, 20–21

Заметим, что только в Захариинском и Лазаревском паримейниках сохранился и архаичный имперфект 3 л. дв. ч. на -шете, который, судя по Житию Андрея Юродивого, еще мог быть актуальной формой в древнерусской письменности к. XI в. (в Захариинском паримейнике с графическим эффектом ь=ε):

<u>дзѡвѣ</u> дзѡвѣ сзутанѣ кз сѣбѣ • н <u>дзѡвѣма</u> <u>пркрѡвашете</u> вьрь <u>ѡвѣ</u> сзутанѣ кз сѣбя •: <u>ѡвѣ</u> ма <u>хочу</u> телеса нхъ Лаз 76г14–18; <u>двѣ</u> сзутанѣ кз сѣбѣ • н <u>двѣ</u> <u>пркрѡвашеть</u> вьрхочу телесе нхъ Зах 171в15–17г1	<u>ѡвѣ</u> сзутанѣ кз сѣбя •: <u>ѡвѣ</u> ма <u>врхъ</u> <u>пркрѡваша</u> телеса нхъ Григ 68, 18–20
--	--

В среднеболгарском Лобковском паримейнике 1294–1320 гг., как и в древнерусском Троицком паримейнике XIV в. простого аориста уже нет вовсе. В приводящемся ниже чтении он отсутствует и в самом раннем списке — Лазаревском паримейнике, хотя в этой рукописи имеются примеры и сохранения простого аориста 3 л. мн. ч.:

н ѿ всехъ гадъ соущихъ по земан • <u>дѡва</u> <u>дѡва</u> • <u>взнндову</u> кз ноевн въ ковчегѣ • <u>мужьскъ</u> полъ н <u>женьскъ</u> Зах 81а8–15	н ѿ всехъ гадъ неунстзнихъ соущихъ по земан <u>двоје</u> <u>двоје</u> • <u>взнндова</u> кз ноевн въ ковчегѣ <u>гъ</u> <u>мужьскъ</u> полъ н <u>женьскъ</u> Лаз 38г3–9; <u>ѡ</u> <u>всѣхъ</u> гадъ соущихъ по земан <u>взнндовѣ</u> к ноевн в ковчегѣ • <u>мужьскъ</u> полъ да <u>женьскъ</u> Тр 34в14–19	н ѿ всехъ гадъ сѡшзихъ по земан • <u>ѡ</u> <u>двож</u> <u>двож</u> <u>взнндовѣ</u> к ноевн в ковчегѣ Лоб 54, 10–12
--	--	--

Воспроизведение форм простого аориста 3 л. мн. ч. в новгородских паримейниках могло поддерживаться широким использованием в новгородском диалекте нулевых форм презенса 3 л. мн. ч., омонимичных простому аористу, при том что оба типа форм восходят к безаугментному имперфекту-инъюнктиву. В рукописях изредка встречается правка простого аориста, воспринятого как нулевой презенс, на форму со стандартной флексией -ть:

н сзтворн море соущъ н <u>раздѡвнса</u> море • н <u>взнндову</u> ть снѡе нзѡвн посреде моря по соухочу Лаз 94б16–20	н створн море соущю • н <u>раздѡвнса</u> вода • н <u>взнндова</u> снѡе нзѡвн посреде моря по соухочу Зах 9г10–15
---	--

В Захариинском паримейнике находим и нетематический аорист от основ инфинитива на согласный, в то время как в более ранних Лазаревском и Григоровичевом паримейниках здесь уже выступает сигматический тематический аорист:

<u>вьсь днѣ</u> <u>разверзшасѧ</u> всн нстоуннцн <u>бездънзѣ</u> • н <u>хлѡвн</u> <u>небьскыи</u> <u>ѡверзшасѧ</u> • н <u>бзѣ</u> <u>дзждѣ</u> на земан • <u>л</u> <u>дннн</u> • н <u>л</u> <u>нощнн</u> Зах 84а7–14	<u>взъ сѧ</u> <u>днѣ</u> <u>разверзшасѧ</u> нстоуннцн <u>бездънзѣ</u> • н <u>хлѡвн</u> <u>небьскыи</u> <u>ѡверзшасѧ</u> Лаз 41а7–12; <u>вьсь днѣ</u> <u>разверзшасѧ</u> воды <u>ѡ</u> <u>хлѡвн</u> <u>небннн</u> • н <u>бзѣ</u> <u>дождь</u> велнкъ на земан Тр 36б1–6	<u>вьсь днѣ</u> <u>разверзшасѧ</u> сѧ всн нстоуннцн <u>бездънзѣ</u> •: н <u>хлѡвн</u> <u>небьскыи</u> <u>ѡверзшасѧ</u> сѧ •: <u>бѣ</u> • н <u>бзѣ</u> <u>дзждѣ</u> на земан •: <u>л</u> •: <u>дннн</u> •: н •: <u>л</u> •: <u>нощнн</u> Григ 35, 5–8
--	--	--

Хотя все эти кирилло-мефодиевские формы являются частью общей мегаграмматики XIII в., их положение в древнерусской письменности существенно различается. Так, в отличие от сигматических аористов типа и научсѧ и навѣсѧ, простой аорист был довольно широко распространен в древнерусских списках конца

XI — начала XII в., когда и происходило развитие древнерусской книжной нормы⁴. Согласно Г. А. Молькову [2017а], в древнерусском Погодинском евангелии XI в. представлено 22 формы простого аориста, а в Толстовской псалтыри XI в. — 124 формы (!)⁵. Тем не менее простой аорист полностью отсутствует в оригинальных древнерусских источниках, а это означает, что другие формы простых претеритов были актуальными, узуальными, а не искусственными книжными образованиями.

Толстовский сборник (далее Тол) — рукопись РНБ, Ф.п.1.39, которую датируют второй половиной XIII в. [СК 1984: 324]. Являясь мегатекстом, Толстовский сборник представляет такой же срез транскультурной мегаграмматики, как и гораздо большая по объему сумма древнерусских рукописных книг⁶. Мегаграмматика мегатекста включает, наряду с глубокими архаизмами и славянизмами разного происхождения, своего рода модернистские проявления — образования, современные созданию памятника. Внутри мегатекста диагностические глагольные формы распределены чрезвычайно неоднородно, так что совокупная его грамматическая система складывается из несовпадающих грамматических subsystem. Причины этого коренятся в генетической и дискурсивной разнородности входящих в сборник текстов, характере их внутренней структурированности, а также глубине языкового горизонта авторов или переводчиков. Хотя Захариинский паримейник и Толстовский сборник фактически имеют одинаковую датировку, набор и дистрибуция диагностических глагольных форм в них разительно расходятся. Это обусловлено тем, что в состав Тол входят оригинальные раннедревнерусские сочинения и переводы, а также южнославянские переводы постстарославянского периода, в то время как Зах восходит к антиграфу, который в ряде чтений воспроизводит чтения кирилло-мефодиевского протографа. В Тол встретила лишь одна форма, которую можно истолковать и как причастную, и как простой аорист 1 л. ед. ч., хотя первое выглядит предпочтительнее: *яко бо двѣ днѣ роднъ бѣдѣ • н яко бѣ роднъ преже къкъ върюю • не сказанное ему рѣтко молуаннемъ ѹнстнъ набѣкъ н не словомъ испытатнъ прнахумъ* Тол 51об. Контекст находится в Слове на Рождество Иоанна Златоуста, как значится в заглавии текста. М. О. Новак в недавней работе доказала, что в действительности Слово является компиляцией, осуществленной, судя по всему, на славянской почве [Новак 2019]. В приведенном контексте как раз обнаруживается, вероятно, один из текстовых швов, поскольку 1 л. ед. ч. сказуемых внезапно сменяется 1 л. мн. ч.

Вместе с тем ряд форм, которые относятся к разряду диагностических, известны и оригинальным древнерусским текстам. Это относится прежде всего к сигматическому аористу основного глагола речи: *рѣхъ, рѣхумъ, рѣстѣ, рѣша*. Так, в Зах в переводном тексте нередко встречается тематический аорист, тогда как в оригинальной

⁴ Примеры сигматического нетематического аориста без чередования в суффиксе -с- от разных основ в раннедревнерусских списках южнославянских переводов единичны. См., в частности: *се же н створѣнъ • н аще малымъ вѣше научасъ ГБ 144а; н не показашъ • макъуаншннн крауеваннн ннн накъсѣ ГБ 301в; н помаше н бѣсн бнюще н свѣса н въ бездѣноу н прѣдаша н тымъимъ княземъ ЖН 320.*

⁵ Ранние датировки этих источников принадлежат Г. А. Молькову.

⁶ О составе сборника см. [Жолобов 2018].

паримье Борису и Глебу — нетематический, который заменяется тематическим в Троицком списке XIV в.:

н рѣша новгородци можемъ княже боротн по тебе Зах 257, 24–26	н рекоша новгородци можемъ княже боритн по тебеъ Тр 138а9–12
---	---

Как установил А. А. Гиппиус, в начальной части летописи употребляется исключительно нетематический сигматический аорист рѣша [Гиппиус 2009: 249]. Полагаем, это свидетельствует о том, что данная форма как индоевропейско-пра-славянский архаизм сохранялась в разных славянских ареалах в силу ее функциональной специализации и особой значимости — подобно тому, как был унаследован изолированный индоевропейский перфект въдѣ ‘я знаю’, которому наследует частица *ведь* в русском языке.

Употребление нетематического аориста типа рѣша представляло собой речевой автоматизм, как это отчетливо видно по следующей греко-славянской параллели в Супрасльской рукописи (см. [SJS I: 121]):

тн нн въсего просѣтъ • даднѣ бо рѣша намъ отъ масла вашего Supr 373, 5 (ср.: даднѣ намъ отъ олава вашего Mt 25, 8 Mar)	καὶ οὐδὲ τὸ πᾶν ζητοῦσι. Δότε γὰρ ἡμῖν, φησὶν, ἐκ τοῦ ἐλαίου ὑμῶν
--	--

В славянском переводе грамматическая форма имеет иные морфологические характеристики, нежели греческая форма, а кроме того, что более важно, она находится, в отличие от греческого текста, в позиции энклитики, что и свидетельствует об автоматизированном речевой практикой ее употреблении. А. А. Зализняк рассматривал энклитическое употребление отдельных форм данного глагола (*реку, рече, рѣци*), критически оценивая придаваемую им обычно функцию вводного слова, однако он рассматривал только поздние среднерусские источники [Зализняк 2008а: 44–45].

Такое же связанное с речевым автоматизмом употребление аориста рѣша мы находим в проповедях Кирилла Туровского в списке Толстовского сборника второй половины XIII в.:

нстрѣбнмъ бо рѣша память его Тол, 10; Нъ испитанмъ рѣша добръ • възвѣмъ
н ище второе прозрѣвшаго 28 об.; мѡужн бо рѣша галнлѣнстнн что стонте зраще
на нѣо 33; снмнде бо рѣша на землю ннкомуже не уювшю • н се рабнн носѣ шѣразъ
въсходнтѣ • онн же рѣша не бѡудемъ покѡрн • аще не оуслышнмъ слова бгнѣа 36⁷.

Доказательством устойчивости такого употребления является не только частотность, но и распределение по четырем разным гомилиям. Встречается и неэнклитическое, самостоятельное употребление данной формы в синтаксическом параллелизме:

⁷ Последняя форма рѣша занимает синтаксическую позицию предиката. В списке второй половины XIV в. по изданию М. Сухомлинова первая форма отсутствует, вместо второй находим *рекош* [Сухомлинов 1858: 54]. В рукописи *покѡрн*, в списке второй половины XIV в. *покѡрнн* (см. [СДРЯ VII: 50]).

нн въздаша хвалы бѣн въздвигнуувъшомоу раслабленаго ѿ одра немощн нн рѣша како ти съ брате жнлы оукрѣпнша Тол 20 об.⁸

Нейтральная тематическая форма также встречается, однако намного реже и всегда в синтаксической позиции предиката:

Сн бо рече соломоу помыслиша н прѣльстншася ослѣпн⁶⁰ ка злоба нхъ • рекоша бо оуловнмъ правдннка • руганнємъ н ранамн стажемъ него • н смѣртню бездѣпотноу оссуднмъ него Тол 9; Уто же н еше хощете ѿ мене слышатн • понеже рекоуѡ вамъ н не въроуете • еда н въи оуеннцн него съ мною хощете възитн 29 об.; к немоще възгласнвѣше стѣн нашн рекоша ѡцн 40 об.

Позиционное разграничение форм говорит об их равной актуальности в речи. Интернет-издание Толстовского сборника, которое мы готовим в рамках проекта РФФИ, сопровождается модулями онлайн-поиска и онлайн-указателей. Онлайн-указатели фиксируют очень неравномерное распределение нейтральных и диагностических форм в сборнике. Всего на 97 листах, где уже проведена разметка, представлено восемь форм рѣша, из которых шесть распределены между четырьмя гомилиями Кирилла Туровского, занимающими первые 46 листов рукописи, а оставшиеся две находятся в Житии Василия Великого (л. 68 об.–88 об.) рядом с тематической формой нарѣкоша (л. 81)⁹.

На этих же 97 листах обнаруживается пять тематических форм рекоша, из которых две находятся в двух гомилиях Кирилла Туровского (см. выше), а оставшиеся три в небольшом по объему апокрифическом Сказании Афродитиана на л. 56 об.–62 (л. 592х, 60), что может свидетельствовать в пользу болгарского происхождения переводчика.

Из других форм этого глагола встречаются лишь 1 л. ед. и мн. ч. со следующим распределением форм: рѣхъ — 2 (гомилии Кирилла Туровского, л. 19 об., 32 об.), 1 (гомилия Кирилла Иерусалимского, л. 94 об.); рекохъ — 1 (гомилия Кирилла Туровского, 29 об.), 1 (Слово на Рождество Христово, л. 57); рѣхомъ — 0; рекохомъ — 2 (Сказание Афродитиана, 61 2х), 1 (Житие Василия Великого). Тематический аорист 1 л. ед. ч. нзрекохъ встречается в анонимном поучении (л. 23 об.), 1 л. мн. ч. ѿрекохомъ — в Сказании Афродитиана (л. 62). У Кирилла Туровского в 1 л. мн. ч. употребляется другой перфективный глагол — сказахоумъ (л. 13 об.), однако не при цитировании, а при отсылке к прежде рассказанному (нже вса ѿ англа реуенаа къ мюроноснцамъ • ѡ хъ сказахоумъ).

Столь неравномерное распределение аористных форм основного глагола цитирования рѣшн/рѣун (без учета нейтральной формы 3 л. ед. ч. рече) — 11 из 19 зафиксированы в гомилиях Кирилла Туровского — подчеркивает его особую значимость для дискурсивно-прагматической характеристики структурных частей

⁸ В списке второй половины XIV в. по изданию М. Сухомлинова рекоша [Сухомлинов 1858: 40].

⁹ На л. 23–25 находится анонимное поучение, которое не принадлежит Кириллу Туровскому, после шести проповедей Кирилла Туровского размещено еще одно анонимное поучение (л. 46–48), а затем анонимное Слово о премудрости (л. 48–49 об.).

Толстовского сборника как мегатекста. Частотные глагольные формы цитирования у Кирилла Туровского связаны с проповеднической стратегией, тяготеющей к сюжетам драматургического типа, диалогической речи, которые нацелены на достижение выразительности и своеобразного документализма — исторической достоверности. Заметим, что в проанализированном материале сборника имеются и другие гомилии — это два анонимных поучения, Слово о премудрости, Слово на Рождество с именем Иоанна Златоуста, два размеченных в интернет-издании огласительных поучения Кирилла Иерусалимского. По частотности указанных аористных форм с гомилиями Кирилла Туровского сопоставимо только Сказание Афродитиана — произведение с необычным для средневекового текста драматургическим дискурсом, почти целиком построенное на диалогах персонажей. Частотность нетематического аориста вместе с тем свидетельствует о сохранении у Кирилла Туровского архаической системы морфосинтаксического оформления цитирования, а также о значимости использования документально-прямой речи самой по себе.

Только у Кирилла Туровского встречается прямая речь в прямой речи, которая вводится в этом случае закономерным перфектом того же глагола:

кѣ собѣ самн прю съставляше ꙗкоу. что створи мѣ галнѣяниноу семоу ꙗкоу <...>
се же ꙗвѣ естъ ꙗко роугаеться уюдыньн сен цркви. но н въ соухомѣ блудыници
рекаъ естъ. настанеть врьма. ꙗгда ни въ горѣ сен ни въ нѣрмѣ. поклонаться бѣн
дхмь Тол 27 об., 28.

Используя этот же глагол в сослагательном наклонении, Кирилл Туровский берет на себя смелость представить воображаемый экзегетический монолог Христа — ‘но словно бы так сказал Господь’:

нѣ да ^{не+} мннмъ. ꙗко семоу ѣдиномоу се ꙗла хсѣ. нѣ всѣмъ намъ прннемъшнмъ
крщениа блѣтъ <...> нѣ ꙗко се бзи рекаъ кѣ нцѣлѣвкъшемоу томоу ꙗ. се в тобѣ
всего адама мозолн нсцѣлнхъ. н падъша престоупленнѣмъ възбедохъ н всеродоноу
клаткоу того нзана ѡѡахъ <...> Тол 22.

С помощью сослагательного наклонения в целевом предложении второго по частотности глагола прямой цитации глаголатн у Кирилла Туровского приводится ожидаемая долженствующая речь, которая раскрывает содержание того, чему воспрепятствовала зависть противников Христа: «но зависть так и не позволила им познать Божию благодать, дабы говорить так: велик ты, Господи, и чудны дела твои, ибо посетил нас милостию и принес избавление людям своим». См.:

нѣ завнсть не дадѣше нмъ познатн бѣнн блѣтн. да бѣша ꙗлалн тако. велнн есн ꙗн
н уюдына дѣла твоѡ. ꙗко посѣтнлъ есн насъ мѣтню. н створи нзбавленнѣ людемъ
сконмъ. нѣ нзгнакъше ѡ сора прозрѣвкъшаго. кѣ собѣ самн прю съставляше ꙗкоу
<...> Тол 27 об.

С отсылками к прямой речи связаны в сборнике номинативные причастные формы прошедшего времени рекъ, которые в проповедях Кирилла Туровского

также преобладают: наряду с пятью примерами из проповедей (л. 3, 26, 31, 35 об. 2х), встречается одна форма в анонимном поучении (46 об.) и две в Житии Василия Великого (л. 81, 82 об.). В Житии Василия Великого встречается форма жен. рода *рекши*, что связано с особым «фемининным» сюжетом в этом тексте (см. ниже). У Кирилла Туровского встречается также плюральная форма *рекше* при пояснении: *якоже исторци и вѣтны • рекше летописци и пѣснотворци • прикланаютъ своя слоухи • въ вѣщахъ межю цѣрн ратн и възплуенни* 38¹⁰. В отдельных текстах наблюдаются причастия настоящего времени от данного перфективного глагола: *рекущи* (жен. р.) — в Житии Василия Великого (л. 83 об.), *рекуще* (мн. ч.) — в Слове на Рождество (л. 52), в Сказании Афродитиана (л. 61 об.).

В отличие от этого, причастные формы настоящего времени глагола относительно равномерно распределены в сборнике. 13 примеров глагола находятся в Словах Кирилла Туровского (л. 5, 8 об., 9 об., 10, 10 об., 15, 17 об., 20, 28, 28 об., 32, 35, 41) и 14 случаев в других текстах: по одному в двух анонимных поучениях (л. 24, 46 об.), два — в Слове на Рождество Христово с именем Иоанна Златоуста (л. 50, 56 об.), два — в Сказании Афродитиана (л. 59, 62), три — в Легенде об Авгаре (62 об., 63 об., 64 об.), четыре — в Житии Василия Великого (л. 75 об., 81 об., 83, 88), один — в огласительном поучении Кирилла Иерусалимского (89 об.). Вместе с тем плюральные номинативные формы количественно распределены неравномерно. В гомилиях Кирилла Туровского насчитывается 10 форм глаголюще (л. 9 об., 21 об., 22 об., 26 об., 27, 29 об., 34 об. 2х, 36, 41), а в остальных текстах лишь шесть примеров: один — в Слове на Рождество (л. 56 об.), два — в Сказании Афродитиана (л. 57, 60), три — в Легенде об Авгаре (л. 64, 64 об., 68). Тем не менее частотность причастных форм в двух апокрифических текстах оказывается очень высокой, поскольку они имеют небольшой объем. Количественные характеристики причастных форм в этом случае обнаруживают наличие в этих текстах «драматургического» напряжения, обусловленного их диалоговой насыщенностью. Житие Василия Великого, в свою очередь, отличается особая частотность причастных форм жен. рода глаголющи, вводящих прямую речь, что обусловлено одним из сюжетов текста с новым персонажем-женщиной: таких форм здесь пять (л. 86, 86 об., 87 2х, 87 об.), тогда как, помимо Жития, эти формы единичны и относятся к речи Богородицы — в гомилии Кирилла Туровского (л. 9 об.) и в Легенде об Авгаре (л. 66) (см. также две упомянутые выше формы жен. р. причастий глагола *реци*).

В то же время только у Кирилла Туровского используются нечленные косвеннопадежные формы ед. ч. глаголюща и глаголюще в составе конструкции «винительный с причастием» и в причастном обороте в качестве одного из морфосинтаксических средств введения цитирования¹¹:

¹⁰ Только в его гомилиях используется также пояснительный союз *снрѣчь*: *нже нарицається вифезда • снрѣчь швѣла купель* 17; *радоунте бо са съ мною яко шбрѣтохъ нзгвѣзшую драгмю • снрѣчь дша всѣхъ улѣкхъ по шѣствнемъ издыкхъ* 33; *и видоша по възкрѣнни въ стѣн градъ • снрѣчь въ нѣнзи сиониз* 33 об.

¹¹ А. А. Зализняк уравнивает в разговорном древнерусском языке все косвеннопадежные формы причастий с прилагательными, в отличие от номинативных нечленных форм, которые используются как предикаты [Зализняк 2004: 134, 181].

слышалъ бо еси прѣрка гл҃ща. яко штроуа роднѣса снѣ възшынаго Тол 19 об.; слыши матфѣя гл҃ща ѿ ннхъ. н многа телеса поунвнхъ ст҃хъ възсташа. н вндѡша по възкр҃ннн въ ст҃ын градѣ 33 об.; си же ѿ ннремни разумѣн гл҃ща. дша иже врагъ въ прѣнсподынаи съведе. тѣи же гь на нѣса възведе 35 об.; помануѡвъ бо бл҃жны прѣруськѡе слово гл҃ше. съберете нѡмоу прѣбываи его. да сѧ прославнѣтѣ бѣ въ свѣтъ ст҃хъ сконхъ 39 об.

Эти контексты важны также тем, что в них обнаруживается одна из синтаксических зон консервации архаичных нечленных форм.

Таким образом, только в проповедях Кирилла Туровского используется весь арсенал лексико-грамматических способов введения цитирования, документирования прямой речи. Очевидно, что значительное место в нем занимают узуальные архаизмы, так что их употребление у Кирилла Туровского важно для реконструкции синтаксических зон консервации архаизмов.

Неравномерно распределены в мегатексте аористы на -тъ, которые принято связывать с кирилло-мефодиевской книжной традицией. Как и в случаях с аористом рѣша, только в гомилиях Кирилла Туровского полностью господствуют аористные формы на -тъ, в то время как в восходящем к кирилло-мефодиевскому переводу Захариинском паримейнике наблюдается вариативность форм аориста при существенном преобладании тѣ-форм. Распределение вариативных форм в сборнике следующее: възѡтъ — 0 vs. възѡ — 2 (Сказание Афродитиана, л. 59 об., 61 об.), 2 (Житие Василия Великого, л. 70, 81 об.); начѡтъ — 3 (гомилия Кирилла Туровского, л. 39, 39 об., 40), 1 (Житие Василия Великого, л. 78) vs. нача — 1 (Легенда об Авгаре, л. 63), 7 (Житие Василия Великого, л. 70 об., 78 об., 80 об., 81, 81 об., 85); ѡѡтъ — 1 (Легенда об Авгаре), 2 (гомилия Кирилла Иерусалимского, л. 962х) vs. ѡѡ — 0; подѡтъ — 1 (гомилия Кирилла Туровского, л. 35 об.) vs. подѡ — 0; поѡтъ — 1 (гомилия Кирилла Туровского) vs. поѡ — 0; прнѡтъ — 4 (гомилии Кирилла Туровского, л. 5 об. 2х, 6 об., 30 об.) vs. прни — 1 (Легенда об Авгаре, л. 65 об.), прнѡ — 1 (Житие Василия Великого, л. 78), прѡ — 1 (оглашение Кирилла Иерусалимского, л. 97 об.); сънѡтъ — 1 (гомилия Кирилла Туровского) vs. сънѡ — 0. Таким образом, только в гомилиях Кирилла Туровского в сборнике аористы с добавочным окончанием -тъ от основ на этимологический носовой гласный становятся единственно возможным типом форм, так что в этом случае воспроизводится норма наиболее архаичных старославянских источников. Нужно заметить, что и лексический состав подобных глаголов у Кирилла Туровского наиболее разнообразен. В компилятивной гомилии, приписанной Иоанну Златоусту, встречается прннѡтъ 51 об. Только у Кирилла Туровского встречается русифицированная форма аориста с добавочным окончанием: сѡмрѣтъ Тол 10 об. vs. штрѣ 63 об. в апокрифической Легенде об Авгаре; шбсѡмрѣ 86 об., сѡмрѣ 88 об. в Житии Василия Великого; прѡстрѣ 95; сѡзмрѣ 95 об. в огласительном поучении Кирилла Иерусалимского.

Аорист глагола бѣити в 3 л. ед. ч. во всех текстах сборника употребляется с добавочным окончанием. Аналогичные формы глагола датн также употребляются с добавочным окончанием в древнерусской форме -(с)тъ, тогда как приставочные

образования от него в ряде текстов варьируются с формами без добавочного окончания, см.: *подасть* 83 об. vs. *вда* Тол 86 об.; *вдася* 70; *взда* 82 об. — все в Житии Василия Великого; *ѡдасть* 96 об.; *подасть* 90 vs. *взда* 97 об. — в огласительных поучениях Кирилла Иерусалимского. В отличие от этого, в гомилиях Кирилла Туровского приставочные глаголы всегда имеют добавочное окончание: *вдасъ* 22 об.; *вздасъ* 33 2х, 42 об.; *подасть* 31; *предасъ* 7 об.; *прѣдасъ* 9, 9 об., 25 об.

Расширенный языковой горизонт гомилий Кирилла Туровского отразился также в особых формах имперфекта — маркированных, диагностических единицах мегаграмматики: только у него в сборнике являются обычными новые имперфекты с отмененным чередованием, которые могут быть соотнесены с основами презенса: *мыслаше* Тол 4¹², *носаше* 15¹³, *взмутаашеться* 16 об., *взмуташе* 17, *лыташе* 40. Только у него находим имперфекты с кратно-перфективным значением: *взмутаашеться* 16 об.¹⁴, *презраху* 16 об., *взмуташе* 17, *не сумызкнаху* 21 об.¹⁵, *не дадасъ* 27 об. Отрицание не создает новой семантической разновидности перфективных имперфектов. Инвариантное грамматическое значение у всех форм одно и то же — они обозначают действие завершённое неопределенно многое количество раз, отрицание лишь подчеркивает исчерпанность обозначенного имперфектом действия и наделяет его потенциальным модальным значением невозможности:

н все се съдѣваху жндовьскыи старѣннныи нъ завнсть не дадасъ нмъ познатн бни блгтн Тол 27 об¹⁶.

Такое же значение передается и предикативным причастием настоящего времени данного глагола в другой проповеди Кирилла Туровского:

добрн хба стада пастырн • за неже н дшю свою положнсте • не дадоуше влкоу кз агнецьмъ прелнжнтнса Тол 43 об.—44.

В сборнике, помимо проповедей Кирилла Туровского, встречается лишь два имперфекта 3 л. мн. ч. с добавочным первичным окончанием -ть в синтаксической зоне консервации праславянской по происхождению формы перед местоимением н: *впрашахуть н* Тол 60 (Сказание Афродитиана)¹⁷; *молахуть н* 96 об. (огласительное

¹² В одном случае имперфект по ошибке заменен в Толстовском списке паронимичным причастием: *югоже арнн ѡ ба ѡца ѡсѣщн мыслаше* Тол 39 (в других списках *мыслаше* [Сухомлинов 1858: 58]).

¹³ Такая же форма встречается в древнерусском переводе апокрифической Легенды об Авгаре: *носаше* Тол 67 об.

¹⁴ В списке второй половины XIV в. по изданию М. Сухомлинова *взмутаашеся* [Сухомлинов 1858: 36].

¹⁵ В списке второй половины XIV в. по изданию М. Сухомлинова *умолаху* [Сухомлинов 1858: 41].

¹⁶ В списке второй половины XIV в. по изданию М. Сухомлинова: *Н все съдѣаху жндовьскыи старѣннныи, но завнсть не дадасъ нмъ познатн бни блгтн* [Сухомлинов 1858: 45].

¹⁷ В этом случае по ошибке — перед союзом н, как видно из контекста: *глцемъ нерѣмланомъ • уто се есть яко премудрымъ персьскимъ прнтн съ явленнемъ звѣзднымъ • н впрашахуть н старѣннныи*

поучение Кирилла Иерусалимского). В гомилиях Кирилла Туровского, в отличие от этого, наблюдаются самые разнообразные случаи употребления форм с добавочным окончанием как в 3 л. мн., так и ед. ч., что подчеркивает собственно древнерусскую узуальную особенность имперфекта:

егоже спомъ бнѣмъ нарцахууть кннжннцн Тол 8 об.; сзбрахуутьса въ нѣрмѣхъ 16 об.; не вървахууть немю· нъ протнвоу блгтн хулатъ 16 об.; негда бо вздумуташетьса вода 16 об.; неже н нѣса повѣдахууть звѣздоу 31 об.; Нмьшеть же съ собою Гь 35 об.

Перед местоимением н в списке сборника отражено развитие напряженно-редуцированного, как в древнерусских юго-западных источниках: сърѣтахуутн н 9 об.¹⁸

Гомилии Кирилла Туровского противопоставлены другим текстам антологии по частотности форм перфекта, в том числе с нулевой связкой. В его проповедях на 43 листах представлено 53 формы перфекта: 28 форм 2 л., из которых 2 формы мн. ч., и почти равное количество форм 3 л. ед. ч. — 25, из которых 4 формы с нулевой связкой. Вместе с тем в сборнике представлен текст с еще большей частотностью форм перфекта 3 л. ед. Это апокрифическое Сказание Афродитиана. Здесь встречается 16 форм перфекта в 3 л. ед. ч., при том что текст имеет небольшой объём — 5 листов с половиной. Для сравнения отметим, что в Житии Феодосия Печерского при гораздо большем объёме, близком объёму гомилий Кирилла Туровского, встречается лишь 13 перфектов. Кроме того, в Сказании представлена одна форма 2 л. ед. ч., одна форма 1 л. мн. ч. и три формы 2 л. мн. ч. Перфект в переводе не зависит и от греческого оригинала, в котором господствует аорист [Пенькова 2018]. В других текстах сборника перфекты либо отсутствуют, либо представлены единичными примерами, среди которых лишь четыре формы 3 л. ед. ч. и одна форма 3 л. мн. ч.: Слово о премудрости — са ... роднѣ Тол 48; Слово на Рождество Христово Иоанна Златоуста — посѣтнѣ естъ 54 об.; Легенда об Авгаре — нцѣмѣ есн 62 об.; Житие Василия Великого — преян соуть 73 об., есн ... нзмудрнѣ 82 об., естъ ... вндѣ 84, створнѣ 85 об., слышала лн есн 86 об.; в двух поучениях Кирилла Иерусалимского — шлжнѣ есн 93, дѣала еси 95, сърѣшнѣ еси 95 об.

Необычно высокая частотность форм перфекта, употребляемых, в частности, и рядом с аористом, в Сказании Афродитиана могла бы свидетельствовать о восточнославянском происхождении перевода. Однако указанные выше диагностирующие единицы говорят скорее в пользу преславской традиции перевода: в Сказании при отсутствии нетематических частотны тематические аористы глагола рѣцн, употребляются лишь аористы без добавочного окончания -тъ,

жндовьскына · ѿ будуцѣмъ уего дѣла есте пришн · н шѣвѣхуомъ се · егоже нарѣуєте месню · роднѣмъ естъ.

¹⁸ Для сравнения: в Зах нет имперфектов с добавочным окончанием, а в гораздо более раннем Лаз такие формы изредка отмечаются, см.: порабцахууть ѿ Лаз 78; шганхууть ѿ 82.

встречается старославянская форма имперфекта бѣаше (л. 58, 58 об.), целевые и косвенно-побудительные предложения оформляются только индикативом¹⁹, наблюдаются ошибки в согласовании причастий, как в ранних южнославянских переводах²⁰. То, что перфект в 3 л. ед. ч. всегда употребляется со связкой, не соответствует обычной древнерусской норме, когда при соседстве с подлежащим связка опускается.

Тем не менее широкое употребление перфекта в самом раннем из трех имеющихся переводов Сказания требует объяснения. Оно обусловлено особым драматургическим дискурсом, проявляющимся в обилии диалогических пассажей, о чем уже речь шла выше. Этот факт очень важен, он лишний раз подтверждает исходную тесную связь перфекта со сферой прямого обмена информацией. В Сказании в диалогах могут употребляться и аористы, которые обозначают историческое прошлое, в отличие от перфектов, сообщающих о том, что стало известно в текущий момент. См., в частности:

жеруе прупе уо сѣдншн сѣѣ дѣяние писанни доспѣло естъ на ны • н естъ намъ ѿ санскита лица шлануеномъ быти • еже лжюше меутахомъ н владѣхомъ • к сему оуже не даемъ пррѣтѣ Тол 59 об.

Показательно, что перфект со связкой употребляется в цепи именных сказуемых с препозиционной связкой, обслуживающих дефиницирующие суждения типа «А есть Б», но не смешивается с ними. Перфектные причастия, напротив, осложняются постпозиционной связкой и нужны для информирующих предикаций о 'ставшем' при дейктической соотнесенности с моментом речи. См.:

н рекоша црѣю корень бжѣскын н црѣкын вдсклонназса естъ • нѣнаго н земнаго црѣа шбразъ приносѣ • їстоуникъ бо карникъ внфлешмьскыа земля естъ дѣн вѣнецъ же шбразѣ црѣаго естъ проповѣданне на землн уѣдотворимо • ѿ нюды взстало естъ црѣтво еже жндовску память ѿвержетъ • а неже бѣн падоша на дѣскахъ • сконуанне ѣти нхъ преспѣло естъ Тол 59.

Таким образом, перфект в Сказании отчетливо соотносится с типом текста, с его драматургической структурой, насыщенной диалогической речью, как это наблюдается в значительной мере и в проповедях Кирилла Туровского, также отличающихся высокой частотностью перфектных форм. Можно утверждать, что высокая частотность форм перфекта продуцируется дискурсивно-прагматической природой текста, а ранний перевод Сказания Афродитиана в Толстовском списке подтверждает исходную принадлежность перфекта прямой речи с предикациями интерпретирующих сообщений о ставшем, обусловленными семантикой связочного глагола и структурой перифраз 'X ставшее есть'.

¹⁹ В отличие от идущей вслед за Сказанием апокрифической Легенды об Авгаре (л. 62 об.–68 об.), которая включает, наряду с русизмами, и сослагательное наклонение в целевом предложении: да бы послалъ к нему прѣтѣтѣ ту їкону Тол 67.

²⁰ См., например: мы же шбою шлануе написано нмѣши • въ страну свою занесохомъ Тол 61 об.

Источники, каталоги, словари и электронные коллекции

ГБ — 13 слов Григория Богослова (XI в.). РНБ, Q.п.1.16. 377 л.; по изд.: *Т. В. Кокорина, А. А. Соколов, О. А. Зуга*. 13 слов Григория Богослова [Электронный ресурс: http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=8&p_lid=1].

Григ — Григоровичев паримейник (XII–XIII вв.). РГБ, Григ. 2. 104 л.; по изд.: [Рибарова, Хауптова 1998].

ЖН — Житие Нифонта Констанцкого (1222 г.). РГБ, Тр. 35. 178 л.; по изд.: *Матеріяли з історії візантійско-слов'янської літератури та мови / Підг. А. В. Ристенко*. Одеса, 1928. С. 239–383.

Зах — Захариинский паримейник (1271 г.). РНБ, Q.п.1.13. 264 л.; по интернет-изданию: *О. Ф. Жолобов, А. И. Кузовенкова*. Захариинский паримейник 1271 г. [Электронный ресурс: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>].

Лаз — Лазаревский (Сковородский) паримейник (первая половина XII в.). РГАДА, Тип. 50. 126 л.

Лоб — Лобковский паримейник (1294–1320 гг.); разночтения по изд.: [Рибарова, Хауптова 1998].

Мольков 2018а — Милятино евангелие. Рукопись РНБ, Ф.п.1.7. Лингвистическое издание. Указатели. Исследование / Описание языка, подгот. текста, коммент., словоуказатели Г. А. Молькова. М.; СПб., 2018а.

Рибарова, Хауптова 1998 — *З. Рибарова, З. Хауптова*. Григоровичев паримейник. I. Текст со критички аппарат. Скопје, 1998.

СК 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

СК 2002 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. М., 2002.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XI. М., 1988–2016–.

Тол — Толстовский сборник (вторая половина XIII в.). РНБ, Ф.п.1.39. 184 л.; по изд.: *О. Ф. Жолобов, А. А. Бакиаева и др.* Толстовский сборник втор. пол. XIII в. [Электронный ресурс: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>].

Тр — Паримейник (втор. пол. XIV в.). РГБ, Тр. 4. 142 л.; по изд.: *О. Ф. Жолобов, А. И. Кузовенкова*. Паримейник втор. пол. XIV в. [Электронный ресурс <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>].

SJS I–IV — *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. I–IV. Praha, 1956–1997.

Литература

Баранов В. А., Жолобов О. Ф. Лингвостатистическое исследование частотных слов в Словах Кирилла Туровского (по рукописи РНБ, Ф.п.1.39) // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2020. № 1 (в печати).

Гиппиус А. А. «Рекоша дружина Игореви... — 3». Ответ О. Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. Т. XVII. 2009. № 2. С. 248–287.

Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982.

Жолобов О. Ф. О рефлексах *ti-* и *t-* форм глаголов в древнерусском языке // *Russian Linguistics*. Vol. 38. 2014. No. 1. С. 121–163.

Жолобов О. Ф. Древнерусский глагол: к истории презенса. Казань, 2016а.

Жолобов О. Ф. Заметки о словоформе *e* 'есть' в древнерусской и старославянской письменности // *Slověne = Словѣне*. *International Journal of Slavic Studies*. Т. 5. 2016б. № 1. С. 114–125.

Жолобов О. Ф. Простой индикатив в Выголексинском сборнике // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2016в. 1 (63). С. 91–99.

Жолобов О. Ф. Простой индикатив в кирилло-мефодиевских источниках (к интернет-изданию Захариинского паримейника 1271 г.) // *Russian Linguistics*. Vol. 40. 2016г. No. 2. С. 153–172.

Жолобов О. Ф. Древнерусская грамматика: простые претериты и *praesens historicum*. Казань, 2017.

Жолобов О. Ф. Толстовский сборник XIII в. как мегатекст // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Т. 2. Казань, 2018. С. 73–77.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008а.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008б.

Крысько В. Б. Об издании Скитского патерика // *Вопросы языкознания*. 2014. № 5. С. 122–148.

Крысько В. Б., Мольков Г. А. Языковые особенности Учительного евангелия Константина Преславского и его древнейшего списка // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Bd. 73. 2017. Hft. 2. С. 331–395.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

Михеев С. М. Минеи двух Домок: Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // *Slověne = Словѣне*. *International Journal of Slavic Studies*. 2019. Vol. 8. № 2. С. 7–65.

Мольков Г. А. Простой аорист в древнерусской письменности // *Русский язык в научном освещении*. 2017а. № 1 (33). С. 179–195.

Мольков Г. А. Несогласованные причастные формы в ранних древнерусских списках Евангелия // *Русский язык в научном освещении*. 2017б. № 2 (34). С. 180–193.

Мольков Г. Супин в древнерусских списках Евангелия XI–XIII веков // *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*. Т. LXVI. 2018б. С. 319–332.

Новак М. О. Слово на Рождество Христово в Толстовском Сборнике XIII в. (РНБ, Ф.п.І.39): атрибуция и композиция // *Девятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции (Рим — Салерно, 4–9 февраля 2019 г.)*. М., 2019. С. 137–142.

Пенькова Я. А. Перфект и аорист в Сказании Афродитиана по Толстовскому списку XIII в. // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Т. 2. Казань, 2018. С. 155–159.

Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011а.

Пичхадзе А. А. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности и эвиденциальности // Библиистика. Славистика. Русистика: К 70-летию заведующего кафедрой библиистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб., 2011б. С. 462–480.

Пичхадзе А. А. О предикативном vs. атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. 2016. С. 499–515.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

Страхова О. Б. Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных // *Palaeoslavica*. Т. XX. 2011. №2. С. 240–293.

Сухомлинов М. Рукописи графа А. С. Уварова. Т. II. СПб., 1858.

Žolobov O. Present tense forms variability in the *Paroemiarion Zacharianum* d. 1271 (to the parchment internet-edition) // *Zeitschrift für Slawistik*. 2016. 61 (2). P. 305–321.

Oleg F. Zholobov

Kazan (Volga region) Federal University

(Kazan, Russia)

ozolobov@mail.ru

DIAGNOSTIC VERB FORMS IN OLD RUSSIAN PAROEMIARIONS AND THE 13TH-CENTURY TOLSTOVSKY SBORNIK

The article examines variable verb forms whose distribution creates grammatical subsystems and determines the typology of texts. Such forms are diagnostic in nature. The article provides a complete list of diagnostic parameters based on the morphosyntax of the verb. The use of diagnostic forms such as the simple aorist, the aorist with an additional ending, imperfect with an additional ending, perfective imperfect, the perfect tense (third person), and some others, is described. The article analyzes handwritten material from the *Paroemiarion* connected to the Cyrillo-Methodian tradition and of varying origin. The status of the simple aorist in written Old Russian is clarified. The focus lies on the analysis of the variable forms of the verb in a megatext, the 13th-century Tolstovsky Sbornik, which includes both Old Russian originals and translated texts, as well as early lists of Bulgarian translated texts.

Keywords: Old Russian manuscripts, grammatical variability, diagnostic forms of the verb

References

Baranov V. A., Zholobov O. F. Lingvostatisticheskoe issledovanie chastotnykh slov v Slovakh Kirilla Turovskogo (po rukopisi RNB, F.p.I.39). *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*. 2020. №1 (forthcoming).

Elizarenkova T. Ya. *Grammatika vediyskogo yazyka*. Moscow, 1982.

Gippius A. A. «Rekosha drouzhina Igorevi... — 3». Otvet O. B. Strakhovoy (Eshche raz o lingvisticheskoy stratifikatsii Nachal'noy letopisi). *Palaeoslavica*. 2009. T. XVII. No 2. S. 248–287.

Krys'ko V. B. Ob izdanii Skitskogo paterika. *Voprosy yazykoznaniya*. 2014. №5. S. 122–148.

Krys'ko V. B., Mol'kov G. A. Yazykovye osobennosti Uchitel'nogo evangeliya Konstantina Preslavskogo i ego drevneyshego spiska. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Bd. 73. 2017. Hft. 2. C. 331–395.

Meillet A. *Obshchslavyanskiy yazyk*. Moscow., 1951.

Mikheev S. M. Minei dvukh Domok: Eshche raz o pistsakh sluzhebnykh miney iz novgorodskogo Lazareva monastyrya. *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 8. 2019. No 2. S. 7–65.

Mol'kov G. A. Prostoy aorist v drevnerusskoy pis'mennosti. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2017a. №1 (33). S. 179–195.

Mol'kov G. A. Nesoglasovannye prichastnye formy v rannikh drevnerusskikh spiskakh Evangeliya. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2017b. №2 (34). S. 180–193.

Mol'kov G. Supin v drevnerusskikh spiskakh Evangeliya XI–XIII vekov. *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*. T. LXVI. 2018b. S. 319–332.

Novak M. O. Slovo na Rozhdestvo Khristovo v Tolstovskom Sbornike XIII v. (RNB, F.p.I.39): atributsiya i kompozitsiya. *Devyatye Rimskie Kirillo-Mefodievskie chteniya. Materialy konferentsii (Rim — Salerno, 4–9 fevralya 2019 g.)*. Moscow, 2019. S. 137–142.

Pen'kova Ya. A. Perfekt i aorist v Skazanii Afroditiya po Tolstovskomu spisku XIII v. *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya razvitiya russkogo yazyka v usloviyakh politicheskoy sredy: opyt i perspektivy*. T. 2. Kazan', 2018. S. 155–159.

Pichkhadze A. A. *Perevodcheskaya deyatel'nost' v domongol'skoy Rusi: lingvisticheskiy aspekt*. Moscow, 2011a.

Pichkhadze A. A. Slavyanskoe prichastie-skazuemoe v zavisimyykh predikatsiyakh kak pokazatel' modal'nosti i evidentsial'nosti. *Bibleistika. Slavistika. Rusistika: K 70-letiyu zaveduyushchego kafedroy bibleistiki professora Anatoliya Alekseevicha Alekseeva*. St. Petersburg, 2011b. S. 462–480.

Pichkhadze A. A. O predikativnom vs. atributivnom upotreblenii prichastiy v drevnerusskom: neizmenyaemye prichastiya. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*. Vyp. 10. 2016. S. 499–515.

Semereni' O. *Vvedenie v sravnitel'noe yazykoznanie*. Moscow, 1980.

Strakhova O. B. Augmentnyy imperfekt i dve normy: novyy vzglyad v svete statisticheskikh dannyykh. *Palaeoslavica*. T. XX. 2011. №2. S. 240–293.

Sukhomlinov M. *Rukopisi grafa A. S. Uvarova*. T. II. St. Petersburg, 1858.

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow, 2008a.

Zaliznyak A. A. «*Slovo o polku Igoreve*»: *vzglyad lingvista*. Moscow, 2008b.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt*. 2-e izd. Moscow, 2004.

Zholobov O. F. O refleksakh ti- i t-form glagolov v drevnerusskom yazyke. *Russian Linguistics*. Vol. 38. 2014. No. 1. S. 121–163.

Zholobov O. F. *Drevnerusskiy glagol: k istorii prezensa*. Kazan', 2016a.

Zholobov O. F. Zametki o slovoforme e 'est' v drevnerusskoy i staroslavvyanskoy pis'mennosti. // *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*. T. 5. 2016b. № 1. S. 114–125.

Zholobov O. F. Prostoy indikativ v Vygoleksinskom sbornike. // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2016v. 1 (63). S. 91–99.

Zholobov O. F. Prostoy indikativ v kirillo-mefodievskikh istochnikakh (k internet-izdaniyu Zakhariinskogo parimeynika 1271 g.). *Russian Linguistics*. 2016g. Vol. 40, No. 2. C. 153–172.

Zholobov O. F. *Drevnerusskaya grammatika: prostye preterity i praesens historicum*. Kazan', 2017.

Zholobov O. F. Tolstovskiy sbornik XIII v. kak megatekst. *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya razvitiya russkogo yazyka v usloviyakh polietnicheskoy sredy: opyt i perspektivy*. T. 2. Kazan', 2018. S. 73–77.

Žolobov O. Present tense forms variability in the Paroemiarion Zacharianum d. 1271 (to the parchment internet-edition). *Zeitschrift für Slawistik*. 2016. 61 (2). P. 305–321.